

— Вы только посмотрите на эту спящую красавицу, — услышал я сквозь сон.

Я открыл глаза и увидел, что надо мной, сложа руки, во весь рост стояла Марина и, ехидно улыбаясь, рассматривала моё тело, разлѣгшееся на полу и заключѣнное в розовый спальный кокон. Я уставился в потолок, дабы не встретиться с её уничтожающим моё, и без того хрупкое, достоинство взглядом.

— Я не сплю. Только глаза прикрыл. Чтобы свет не мешал, — робко оправдывался я.

«Да залазь ты уже», — мысленно подгонял я Марину.

— Ааа, ну ладно. Я понимаю, трудно заснуть в такой обстановке, — сказала Марина и, пройдя к своему спальному мешку, начала расстѣгивать свои сапожки.

«Ну наконец-то, — подумал я. — Сейчас она ляжет наконец». Я бросил взгляд на дутый спальник, лежащий рядом со мной в ожидании своей хозяйки, и буквально замер в ожидании того, что этой ночью я буду спать в компании этой симпатичной фиолетовой куколки.

— Я джинсы сниму, не возражаешь? А то в них спать неудобно.

И не успел я опомниться, как Марина, не нуждаясь в моём одобрении, встала на свой спальник спиной ко мне и начала раздеваться. Я невольно повернул голову в её сторону, и заметил, как из джинсовых оков вырвалась её круглая попка в белых трусиках-стрингах, облачѣнная, вдобавок, в светло-коричневые колготки. От этого волнующего зрелища кровь прилила к моему лицу и я, как одержимый, уставился на неё, не в силах отвести глаз.

— Тебе во сколько вставать? — спросила меня Марина, снимая штаны.

Сглотнув подкативший к горлу ком, я ответил:

— В семь.

— Ну хорошо, значит мне чуть пораньше. Надо же будет тебя освободить.

— Что, простите? — не расслышал я.

— Говорю, разбудить тебя надо будет, — сказала она.

Пока она возилась с телефоном, я просто лежал на полу и любовался её упругой, аккуратной попкой, разрезанной пополам стрингами, и длинными, блестящими ножками, одетыми в колготки. Я знал, что не должен был этого делать, но мне было жутко любопытно, что на ней было надето. В тот момент я чувствовал себя гадким мальчишкой, который подглядывает, как переодевается его старшая сестра и тихонько совершает своё грязное дельце. Почуввав что-то интересное, член мой вновь возбудился, горячо затрепетав где-то в глубине спального мешка.

«Какая бесстыдница, — подумал я. — Даже не постеснялась раздеваться в моём присутствии, а теперь просто стоит надо мной и даже не знает, что я тайком пялюсь на её задницу.

Интересно, а она знает, что её повседневная одежда меня так возбуждает? Наверное, даже не догадывается, что у меня на неё встал. А если бы узнала, то непременно бы воскликнула «Нахал!» и тут же спряталась бы в спальник. Ха-ха... Отменная у неё всё-таки попка.

Наверное такая мягкая... Вот бы помякать её в этих колготочках».

Марина, стоя в самых простецких колготках и трусиках, выглядела как-то небрежно, по-домашнему, но её гордая, уверенная осанка выдавала в ней настоящую женщину, которая уже привыкла к подобной одежде и не находила в ней ничего особенного или неприличного. Она не стесняясь демонстрировала мне свою крепкую, сексуальную попку, как будто позади неё лежал не незнакомый парень, а какая-нибудь большая подушка, перед которой можно

было делать что угодно. Казалось, она нарочно дразнила меня красотой своих очаровательных, упругих форм, а я лишь лежал позади неё как замороженный, чувствуя, как колотится моё сердце, и наблюдал за тем, как она нагло и бесстыдно вертит своим задом буквально у меня под носом.

Закончив с телефоном, Марина обратилась ко мне:

— Ну всё, пора баиньки.

И, посмотрев на меня, добавила:

— Ахах, блин, Лёшка, ты такой смешной. Видел бы ты себя сейчас.

И я вновь сконфуженно уставился в потолок. Но мне было всё равно, как глупо я выглядел в её глазах. Я получил, что хотел, а это главное, и даже её насмешки уже не смущали меня. Я достиг желаемой цели, а всё остальное было уже не важно.

Услышав, как бодро прожужжала молния соседнего спальника, я понял, что Марина наконец-таки ложится. Резво запрыгнув в мешок, она застегнулась и пожелала мне:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил я, почувствовав при этом долгожданное расслабление.

И я, отбросив все свои мысли и страхи, глубоко вздохнул, закрыл глаза и приготовился заснуть так, как не спал ещё никогда в своей жизни.

Прошло, наверное, минут двадцать, но я всё никак не мог заснуть. Я всё ещё слегка нервничал по поводу своих продолжавшихся ночных приключений. Не мудрено: не каждый день на мою долю выпадало переодеться в женскую одежду и заночевать на складе в спальном мешке. «Мда уж, хорошо хоть, что меня никто не видит, кроме неё», — подумал я.

А ещё мне не давала покоя мысль о том, что я буду спать рядом с незнакомым человеком, и к тому же девушкой. Уже засыпая, я, приоткрыв глаза, повернул голову в сторону и убедился, что рядом со мной и в самом деле спала самая настоящая девушка, обёрнутая в блестящую, нежно-фиолетовую болонью спального мешка. Из-под капюшона выглядывало её миленькое, сонное личико, грудь её вздымалась и опускалась, а я с трепетом и вожделением смотрел на этот пухлый кокон, в котором так сладко спала Марина. Мне она показалась такой хорошенькой и невинной в этом спальнике, что мне захотелось просто сидеть напротив неё всю ночь и смотреть на то, как она безмятежно спит, тепло укутанная в свою мягкую упаковку. Я бы любовался этой куколкой и её уютной фиолетовой кроваткой, в которой ей посчастливилось оказаться, представлял, как ей, должно быть, тепло и мягко спится и как колготки ласкают её стройные ножки и лишь немного завидовал бы ей.

Теперь же поводов для зависти не было: я тоже был в спальном мешке, как и Марина и мог ощутить, что она испытывала в тот момент. Комфорт и мягкость буквально окутывали меня со всех сторон, с ног до головы. Вдобавок я был целиком одет в Маринины вещи, которые она дала мне поносить, отчего всё моё мужское естество буквально растворилось в этом потоке нежности и я стал вновь ощущать себя девушкой.

Я приподнял голову и оглядел два пухлых цветастых кокона, компактно лежащих рядом друг с другом. Глядя с такого ракурса, ни у кого не возникло бы сомнений в том, что внутри спальных мешков были именно девушки — одна в фиолетовом, другая в розовом. Могло показаться, что мы с Мариной и впрямь лежим прямо как две подружки, брошенные на произвол судьбы на этом мрачном и холодном складе, а в это время на улице бушует ураган и раздаются яростные раскаты грома. Поначалу мне было страшновато, но теперь я уже не боялся, потому что я был не один. Со мной был кто-то, кто оберегал меня. Я ощутил, что за

время, проведённое вместе между мной и Мариной установилась какая-то связь, как у хороших знакомых. Это положение несколько сблизило нас. Мне почему-то захотелось подползти к ней поближе, прижавшись бочком к мягкому и пухлому кокону, в котором она спала, и почувствовать, как соприкасаются наши тела, завёрнутые в спальные мешки. Я не преследовал каких-то грязных мыслей, я просто хотел заснуть вместе с Мариной, ощущая её присутствие своим телом. Даже моя пуховая упаковка не согревала меня так, как мысль о том, что рядом со мной лежит что-то тёплое и мягкое, такое же, как я, которое тихонько посапывает во сне и нежится в своём спальном мешке, оберегая меня от злых сил в эту беспокойную ночь.

Я снова с трепетом взглянул на свою храбрую спящую подружку. «Забавно, — подумал я, — спит и даже не догадывается, что я опять смотрю на неё. Эх... вот бы лечь сейчас рядом с ней и потереться с ней в спальных мешках... как два червячка, ха-ха... Или даже залезть к ней в мешок... Только я и она... две куколочки, лежащие в «обнимку» друг с дружкой... Если бы она только знала, какая она милая, когда спит... Такая непосредственная, прямо как ребёнок... Хочется её обнять в этом спальнике и не отпускать... просто обхватить этот мягкий кулёчек и заснуть вместе с ним...»

Я ещё некоторое время любовался красотой спящей Марины, но вскоре начал погружаться в сон, невольно улыбнувшись от тёплой мысли о том, что в эту ночь я находился под надёжной защитой. Но вскоре я пожалел, что не заснул так скоро: мой организм отчаянно посылал мне сигналы о том, что мне нужно поскорее попасть в туалет, а иначе случится беда. Всё-таки две кружки чая никуда не девались бы просто так. Я решил вылезти из спальника, тихонько прошмыгнуть в туалет и вернуться на своё место как ни в чём не бывало, не побеспокоив при этом Марину. Но не тут-то было. Я попробовал добраться до молнии, но руки мои, будучи буквально прикованными к телу, еле двигались внутри мешка. Да и, к тому же, Марина настолько затянула мне капюшон, что пробраться к молнии мне бы всё равно не удалось. То есть я оказался буквально заперт в спальном мешке и выбраться из него самому мне не представлялось возможным. И тут я понял, что попался. Марина специально сделала так, чтобы я не смог сам вылезти из спальника. «Но зачем?» — недоумённо подумал я.

Я повернул голову направо, бросив томный взгляд на свою спящую спасительницу. Я понимал, что для того, чтобы освободиться, мне нужно было её разбудить, однако делать этого мне не хотелось по понятным причинам. Я вмиг почувствовал себя таким беспомощным и зависимым от какой-то девушки, что тут же ослаб и оставил всякие мысли вырваться из своей темницы, продолжая лежать в мешке и пытаюсь усмирить свой мочевого пузырь. Но со временем это давалось мне всё труднее. Я повернулся, или вернее сказать перекатился, спиной к Марине, свернулся калачиком и зажал свою промежность, чтобы хоть как-то обуздать обостряющуюся нужду, пытаюсь отвлечься и поскорее заснуть. Однако попытки мои не увенчались успехом и спустя несколько минут мне всё-таки пришлось побеспокоить Марину.

— Эй, — прошептал я, — простите, пожалуйста!

Но девушка уже спала.

— Марина, — сказал я чуть громче. — Марина!

— Мм... Ну что такое?... , — не открывая глаз, произнесла она.

— Простите, — я слегка замялся из-за того, что пришлось разбудить её по такому деликатному вопросу, — мне нужно в туалет. Я не могу расстегнуться. Вы могли бы мне

помочь?

По её сонно-недовольному личику было видно, что её не очень хотелось выбираться из нагретого спальника по такой пустяковой причине.

— Лёшка... ну ты же большой мальчик, потерпи... , — на лице её скользнула лёгкая улыбка. — Сейчас уснёшь и хотеться не будет...

Я оказался слегка озадачен. «Блин, да я же сейчас прямо здесь...», — подумал я.

С немалым трудом я подполз чуть ближе к мешку, в котором спала Марина, и приподнял туловище, слегка склонившись над ней.

— Ну тогда расслабьте мне капюшон, чтобы я сам расстегнулся. Пожалуйста, я вас очень прошу, — умолял я девушку.

А Марина спросонья, видимо, плохо понимала, о чём я пытаюсь ей сказать.

— Мм... да отстань ты... Дай поспать... , — промямлила она и отвернулась.

Я всерьёз запаниковал. Мне очень не хотелось испортить мало того, что чужой спальник, так ещё и чужую одежду. От страха перед скорым катаклизмом я предпринял ещё одну попытку освободиться. Вырвался и чтобы легче было застегнуть мешок. В тот момент я чувствовал себя каким-то мягким пуфиком, на котором Марина властно восседала. Молния шла с большим трудом, глухо тарахтя и ещё теснее сковывая меня в моём плену. Я чувствовал, как уплотняется пространство вокруг меня, почти не оставляя мне свободы для передвижения. В течении этой мучительной процедуры я уже не мог сопротивляться и лишь с тоской смотрел на стену, чувствуя на себе груз молоденькой девушки, которая плотно и старательно упаковывает меня в спальный мешок. Не в силах смириться со своим неминуемым и безнадежным заточением, я успокаивал себя: «Это всего лишь сон, расслабься... Такого не может быть... Тебе это всё снится... Ну же, давай, просыпайся!»

И вот, когда молния добежала до конца, меня с глухим звуком — буф! — перевернули на спину и снова туго затянули капюшон. «Ну всё, мне конец, — подумал я. — Теперь мне отсюда точно не выбраться». И меня вновь охватила лёгкая паника.

— Ну всё, маленький, теперь можешь по-маленькому, — донёсся до меня голос. И Марина звонко рассмеялась.

«Она что... , — гневно подумал я, — запеленала меня?! Как ребёнка?! Да она... да как... да что она себе позволяет!» Недовольство моё возобладало надо мной и я рассерженно посмотрел на свою пленительницу, а она стояла надо мной и заливисто смеялась над тем, как ловко оставила меня в дураках.

Тем временем ситуация в моём организме неумолимо приближалась к критической, но стараниями Марины путь в туалет для меня был безнадежно отрезан. Тут я запаниковал не на шутку. Я быстро сообразил, что не могу просто лежать перед ней и ждать, пока случится катастрофа. И я понял, что если уж я не могу её предотвратить, то нужно хотя бы убраться подальше от Марины, чтобы не оконфузиться прямо у неё на глазах.

Я решительно вскочил и попытался встать на ноги. Но теснота двух спальных мешков, в которые я был надёжно упакован, давала о себе знать. Я лишь барахтался и ёрзал по полу, как толстая фиолетовая гусеница, не в силах оторвать своё грузное туловище от пола, а Марина безудержно хохотала, наблюдая за мной и моими жалкими попытками встать.

Наконец я поднялся. Я встал в полный рост, стараясь удержать равновесие, и быстро попрыгал в сторону двери, но путь мне преградила Марина.

— Куда собрался? Туда нельзя, — не переставая смеяться, сказала она.

Я иступленно смотрел на неё и на её сияющее от смеха личико. Во взгляде моём в тот момент столкнулись злорадство, негодование и отчаяние. Я осмотрелся и решил упрыгать в дальний, тёмный конец склада, где меня хотя бы не будет видно. Прыжком развернувшись, я поскакал в безопасное место, а Марина наблюдала за тем, как по складу неуклюже прыгает пухлая фиолетовая колбаска, которая вот-вот описается. Я всё прыгал и прыгал, а Марина всё смеялась и смеялась надо мной. Я отчаянно рвался скрыться подальше от её глаз, но она преследовала меня по пятам и в конце концов настигла меня, загнав меня в угол, откуда я уже никуда не мог деваться от неё.

Я оказался в тупике. Силы мои были на исходе. Я понял, что больше не могу бороться со своими естественными потребностями. Не желая видеть Марину в момент своего грядущего позора, я уткнулся лицом в угол. Я не хотел верить в то, что сейчас описуюсь прямо на глазах у чужого человека, но я больше не мог терпеть. Я проиграл в этой битве, мой собственный организм предал меня. И я смирился наконец со своей судьбой и понял, что всё, что мне теперь оставалось, так это лишь расслабиться.

Но я боролся до последнего. И хоть я уже и был готов и уже весь трясся от рвущейся наружу жидкости, я никак не мог начать процесс, находясь под пристальным взглядом Марины. Я лишь слегка писнул и с ужасом понял, что замочил Маринины трусы и колготки, в которых я был, почувствовав при этом, как тоненькие струйки стекают по моим ногам. «Блин, она же меня убьёт», — с ужасом подумал я. Но теперь пути назад не было. Давление во мне дошло до крайней точки и я, окончательно смирившись со своим безвыходным положением и гордо став в полный рост, начал писать...

Я почувствовал, как из меня буквально вырвалась крепкая, мощная струя и начала свой стремительный и неудержимый бег. «Господи, как же стыдно», — подумал я, но в то же время ощутил сладостное облегчение от того, что сбросил с себя этот непомерно тяжкий груз. Откуда-то из глубины спальных мешков до меня доносилось беглое журчание мочи, которая горячим потоком обдавала мои ноги, постепенно наполняя собой спальный мешок. Я ощущал, как мокро становится у меня в промежности и как всё больше и больше погружаются во влагу мои ступни. Я готов был провалиться сквозь землю, только чтобы избежать этого чудовищного позора. На лице моём смешались гримасы боли и отчаяния и я молил все высшие силы о том, чтобы этот унижительный процесс поскорее закончился. Мне казалось, я стою вот так уже целую вечность, а из меня всё ещё продолжало выходить. Я сгорал от стыда, но остановиться уже не мог, я всё писал и писал, изливая безудержные потоки мочи прямо в Маринины трусы, чувствуя, что их хозяйка стоит прямо позади и буквально давит меня своим взглядом.

Как только журчание наконец прекратилось, я почувствовал, что полностью опорожнился и теперь стоял в полной растерянности, уставившись в угол и не зная, что мне делать. Я понял, что описался. Обдулся как маленький ребёнок. На глазах у чужого человека. Никогда раньше такого со мной не было. Я чувствовал себя ничтожеством. От осознания своего горестного положения я полностью обессилел, ноги мои подкосились и я с глухим звуком бухнулся на колени, приготовившись ощутить на себе Маринин гнев.

— Ты всё? — спокойно поинтересовалась она.

Рот мой был застёгнут, поэтому я лишь кивнул головой, насколько мне позволила моя плотная упаковка. Я сидел скукожившись и чувствовал, что со стороны был похож на большой фиолетовый кулёк, который компактно расположился в уголке склада и который

Марина вот-вот должна была забрать.

— Ну вот и ладненько. А теперь пора спатки.

После этих слов Марина подошла ко мне, обхватила мешок в районе груди, приподняла меня и усадила на пятую точку. Затем вцепилась в мои плечи и куда-то поволокла меня. Я уже не соображал, что происходит, а только чувствовал, как что-то плещется и разливается внутри моих болоньевых «пелёнок». Для меня всё было как в тумане. И пока меня транспортировали я мог лишь, полным сожаления взглядом, уставиться в потолок и удивляться, откуда в такой хрупкой девушке столько сил. Перетащив моё объёмное тело на прежнее место, откуда я так стремительно ускакал, Марина аккуратно положила меня на пол и села на корточки справа от меня.

— Ну что, описался, маленький? — начала сюсюкать Марина, чуть сдерживая смех. — Ну ничего, мы же в пелёночках, дя? Дя, мой сладкий? Ну, а теперь закрывай глазки и будем спать.

Но после того, что случилось, я уже не мог заснуть. Я был слишком подавлен, чтобы просто закрыть глаза. Я даже не обратил внимания на девушку. Кроме того, я бы просто умер от стыда, если бы посмотрел на неё. Я просто лежал и взирал в потолок остекленелым взглядом, уже ни о чём не думая, а надо мной зловеще нависала Марина, терпеливо ожидая, пока я засну. Но я просто не мог. Я не знал, сколько ещё она пробудет надо мной в таком положении, но мне было уже всё равно.

— Ну что же ты, Лёшка? Пора ложиться.

Я не решился отвернуться от неё, чтобы не расплескать содержимое по всему спальнику, поэтому продолжал лежать на спине и пялиться в потолок. Я не мог себе представить, что же ещё Марина может утворить со мной, чтобы окончательно уничтожить моё достоинство. Она стояла надо мной, а её длинные тёмные волосы ниспадали вниз, обдавая меня своим благоуханием. Я вмиг почувствовал себя таким уязвимым и беспомощным, лёжа в собственной моче, как маленький ребёнок, которого крепко запеленали.

— Ну что, на ручки хочешь? Сейчас пойдём на ручки, маленький.

После этих слов я почувствовал, как Марина чуть приподняла мои колени и спину и просунула под меня свои ноги. Затем под села чуть ближе ко мне, водрузив моё крупное туловище на свои бёдра, и обхватила одной рукой мою спину, поддерживая её на весу, а другой рукой взялась за мои ноги так, что я оказался буквально лежащим у Марины на коленках в подвешенном состоянии. Не до конца осознавая, что происходит, я почувствовал, что моё тело, обёрнутое в несколько слоёв пуха, оказалось в Марининых руках. И я с удивлением понял, что был буквально у неё «на ручках». Хотя я был выше и больше её, она держала меня у себя на руках. Я лежал в её объятиях как запеленатый ребёночек, а она мягко и заботливо сжимала в своих руках этот пухлый и мягкий мешок как самую дорогую для неё вещь, как бы боясь ненароком отпустить меня или кому-нибудь отдать. Я чувствовал, как женские руки нежно обнимают и поддерживают моё тело, отдавая меня в полное распоряжение Марины.

Не успел я опомниться, как она девушка начала убаюкивать меня, плавно раскачивая и что-то тихонько напевая себе под нос. В один миг всё моё достоинство сжалось до крохотных размеров. «Ну вот и всё, это конец, — жалостливо подумал я, — теперь хуже быть уже не может. Теперь она унизила меня окончательно. Надеюсь, она довольна». Мне сразу захотелось убежать, вырваться из цепких лап Марины, а иначе я бы натурально расплакался

прямо у неё на коленках. Но я понимал, что должен выдержать и достойно пройти через всё это. Я понимал, что сопротивляться было бессмысленно. Я был сильно измотан за этот вечер, так что сил у меня попросту не осталось. Я понял, что полностью ослаб и не мог даже пошевелиться. Я очень устал за день и хотел спать. И вскоре я, хоть и нехотя, смирился со своей унижительной участью и просто расслабился, отдавшись наконец во власть этой взбалмошной девицы.

Я лежал и чувствовал, как тело моё безмятежно раскачивается на спокойных, тихих волнах тёплого моря, а где-то вдали слышится чей-то мелодичный напев. Мне было так приятно засыпать в женских, почти что материнских, руках, в объятиях девушки, которая приютила меня в этот холодный и ненастный вечер. Марина хоть и заставила меня понервничать, но теперь же она нежно и трепетно прижимала меня к себе как что-то родное, такой мягкой и беззащитный комочек. И мне сразу стало так хорошо и спокойно, как не было никогда раньше. Хоть я и натерпелся за этот вечер, но теперь же всё было кончено. Теперь уже не нужно было волноваться. Я чувствовал себя умиротворённо и уже ни о чём не думал. Меня успокаивало то, что Марина была здесь, рядом, а я был в её надёжных руках. Я взглянул в её улыбающиеся глаза и понял, что она совсем не хотела причинить мне зла, она просто хотела позаботиться обо мне. Она хотела, чтобы я побыл её ребёночком. Только и всего. У неё просто было желание и я помог ей его исполнить, как она помогла исполнить мои. Для меня она уже не была той сумасшедшей девкой, какой казалась вначале. Да, она была слегка странноватой. Но ведь все мы по-своему странноваты, не так ли?

И когда я закрыл глаза, я мог чувствовать лишь как постепенно погружаюсь в сон. Мне уже было не важно, что будет со мной завтра и как я буду чувствовать себя утром после того, что произошло. Я просто хотел уснуть. Забыть обо всём и просто уснуть...

***

Очнувшись, я понял, что был у себя дома. Какое-то время я не мог прийти в себя и оправиться от такой резкой смены обстановки, но вскоре начал просыпаться. «Так значит, это был сон», — подумал я. Будильник не зазвонил, поэтому я логично предположил, что на дворе был выходной, а значит торопиться мне было некуда и я облегчённо вздохнул. Я ещё какое-то время лежал в своей кровати, пытаюсь осознать, что всё это было лишь плодом моего воображения и в реальности со мной, к счастью или к сожалению, ничего не происходило. «Вот только что это за запах?...» — подумал я.

Продолжение следует